

Н. В. НИКОЛЕНКОВА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
natanik2004@mail.ru

СПРАВА КИЕВСКОГО ИЗДАНИЯ В МОСКВЕ В СЕРЕДИНЕ XVII в. КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЭТАПА ФОРМИРОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМЫ

В работе рассматривается эпизод из истории формирования орфографической нормы конца 50-х гг. XVII в., когда в печатных изданиях продолжают идти процессы систематизации правописания по канонам, заданным московской грамматикой 1648 г., тогда как писцы, не связанные с деятельностью Печатного двора, применять новые принципы умеют не полностью. В центре внимания находится киевское издание 1628 г., переписанное, а потом и переизданное в Москве, — между рукописной и печатной копиями прошло два года. Сопоставление демонстрирует как различия в орфографических установках московских книжников и киевских, так и определенные расхождения в точности соблюдения рекомендаций московской грамматики. Нами рассмотрены четыре позиции, в которых наиболее ярко проявились данные различия именно в работе над созданием копии киевского издания.

Ключевые слова: церковнославянский язык XVII в., орфографические нормы, московская грамматика.

Использование книг «литовской» печати, запрещенных при патриархе Филарете [Карташов 1991: 99–102; Булычев 2004], активизируется в Москве с 1640-х гг. Переиздаются югозападнорусские книги: «Кириллова книга» (1644 г.), грамматика Смотрицкого (1648 г.), «Книга о вере» (1648 г.), Краткий Катехизис Петра Могилы (опубликован в 1649 г. в сборнике «Собрание краткия науки об артикулах веры»); в Кормчую книгу, изданную в Москве в 1650 г., включается статья «о тайне супружества», взятая из Требника Петра Могилы 1646 г. [Успенский 2002: 419]. «Югозападнорусские книги начинают играть определенную роль в книжной справе. Так, в послесловии к Учительному Евангелию 1652 г. справщики отмечают, что они пользовались для “свидетелствования и справления” и книгой острожской печати. Это предвосхищает широкое обращение к югозападнорусским книгам в процессе никоновской и послениконовской справы» [Там же].

При изучении книжной справы XVII в. на уровне языка особое внимание традиционно уделялось орфографии. В первую очередь это касалось московского издания грамматики 1648 г. (далее — ГМ), рекомендации которой были «московскими справщиками приведены (...) в соответствие с

великорусской нормой церковнославянского языка» [Там же: 413]; характер изменений, внесенных в орфографические каноны в сопоставлении с югозападнорусским изданием 1619 г., полностью исследован и описан в работах Е. А. Кузьминовой [2007; 2012: 144–191]. Изучение книгопечатания периода 1630–1640-х гг. показало, что книгоиздательская деятельность московского Печатного двора приводила к постепенному формированию орфографических норм, отличающих московскую редакцию церковнославянского языка XVII в. от югозападнорусской редакции [Кусмауль 2018: 103–105]; при этом наблюдается разная скорость проникновения отдельных орфографических явлений в печатные книги [Там же: 313], например постепенно систематизируется принцип антистиха. Орфографическое оформление текста в XVII в. является одним из проявлений отталкивания книжной нормы от разговорного языка [Живов 2017: 845–847].

Привлечение рукописных источников того же периода демонстрирует, что в них отражаются те же орфографические процессы, что и в печатных книгах. Рефлексия московских книжников над этими процессами была реализована в рукописных грамматических руководствах [Запольская 2010; Кузьминова 2012: 39–110]. Особый интерес представляют комплекты рукописей, в которых черновые варианты создаются киевскими книжниками, работающими в Москве, тогда как «беловики» переписываются московскими писцами, при этом орфографическая правка оказывается единственной новацией, вносимой в эти тексты (скажем, три первых тома перевода Атласа Блау переписаны набело именно московскими книжниками, работа над текстами идет в начале 1650-х гг. [Николенкова 2016]).

Об устойчивости именно орфографической справки говорит и работа книжников конца 1650-х — 1660-х гг. Более ранние киевские издания, попадая в Москву, переиздаются и переписываются без текстологической правки, но с обязательным изменением орфографических норм. Направление этой справки можно показать на материале двух московских копий киевского издания небольшого памятника — «Царю Юстиниану... главизны поучительны» дьякона Агапита [Киев 1628], причем одна из них рукописная, другая — печатная.

«Поучение» Агапита¹ — памятник византийской политической мысли, составленный между 527 и 548 гг. и обращенный к императору Юстиниану. Исследователи считают, что полный славянский перевод Агапита появился на Балканах: «...он был выполнен в Болгарии при царе Симеоне или — менее вероятно — его наследнике Петре», то есть входит в число преславских переводов² [Буланин 1989: 301]. «Поучение» Агапита часто сосед-

¹ Под таким названием произведение фигурирует в «Словаре книжников и книжностей Древней Руси» [Буланин 1989].

² В качестве одного из доказательств исследователи ссылаются на своеобразную лексику перевода, также относящую его к «золотому веку» болгарской литературы.

ствуется в рукописных памятниках с другими наставлениями правителю [Там же: 302]. В рукописях XVI в. появляется новый (или сильно переработанный прежний) перевод; о «двух типах перевода» в своих исследованиях памятника писал еще в 20-х гг. XX в. [Вальденберг 1926: 28]. Для киевского «издания 1628 г. Петр Могила пересмотрел и сверил с греческим оригиналом существующие переводы Агапита» [Буланин 1989: 302]. По тексту предисловия к «Поучению» можно установить дату работы над этой переработкой: **Ѡ Невеществнаго о҃гна въ Веществномъ естѣвѣ павленіа, минѣвшіи стѣ шестѣдесѣтъ и двѣмъ десѣтицѣмъ, и сѣмимъ лѣтѣмъ къ сѣмъ приложившимся. Дека: ѿ. днѣ. Текѣщѣ же речѣнномъ Кѣріѣ-Пасхѣ лѣтѣ** [Киев 1628: 3 об.], то есть предисловие написано в 1627 г.³, вероятно, это и есть год работы Петра Могилы над редактурой.

В конце 1650-х гг. киевское издание оказалось в Москве и было дважды скопировано. Один из текстов — переписанный московским книжником с югозападнорусского оригинала — содержится в рукописи собрания ГИМ, Син. 353. Сама рукопись не раз привлекала внимание исследователей. В хрестоматии Буслаева помещен фрагмент «Изъ Азбуковника» [Буслаев 1861/2004: 1111–1116], выписки сделаны автором именно из Син. 353; «Книга глаголемая алфавит...» занимает большую часть рукописи (лл. 7–156). Полное описание Син. 353 дано Т. Н. Протасьевой: это рукопись в 4°, написанная русским каллиграфическим мелким полууставом и скорописью, в 244 листа [Протасьева 1970: 3]. Полууставом, кроме Азбуковника, в Син. 353 переписаны «Книга глаголемая от орфографии» (лл. 165–177), фрагмент «О азбуце» (лл. 177 об. — 181 об.), «Предисловие пяти чувств» (лл. 186–203 об.) [Там же: 4]. Далее на лл. 207 об. — 218 тот же писец переписал с печатного издания Киево-Печерской лавры 1628 г. «Изложения главизн поучительных» диакона Агапита.

Рукопись датируется Т. Н. Протасьевой и по филиграммам (голова шута 1646 г. и тот же знак 1651–1658 гг.), и по двум датам, имеющимся в тексте. Вторая из записей заканчивает переписанное «Поучение»; после приписки, скопированной из издания (**Лѣто бытію міра, ꙗꙋꙋ. Індікта, ѿ. слнцѣ крѣ, кѣ. лѣны ѿ. кю, х. вісѣѣтѣвое. Лѣто вѣщѣ, вѣ.**), писец этой части Син. 353 дописал: **съ сегоже списася издѣ въкнигѣ, лѣта ꙗꙋꙋ. годѣ: ноябрьѣ въ зѣ, днѣ.** (л. 218), то есть 1658 г. Другая запись о датировке содержится на л. 18: скорописью XVII в. написано: «Книгу алфавит писал Волопас своею рукою 7162 (1654)» [Там же: 4]. Скорописным почерком в конце Син. 353 переписано «Сказание о семи свободных мудростях» (лл. 224–244), полностью опубликованное в [Спафарий 1978] именно по этой рукописи.

О рукописной копии киевского издания в истории изучения «Поучения» Агапита не сообщается; есть информация о вторичной (после киевской) публикации данной редакции перевода («с несущественными заменами»),

³ Кириопасха, по календарным данным, действительно была в 1627 г.

в сборнике «Анфологион»⁴, выпущенном московским Печатным двором в 1660 г. [Буланин 1989: 302]. Рукописная копия, содержащаяся в Син. 353, предваряет печатное московское издание.

«Списание» книги и перепечатка издания, на наш взгляд, привели к тому, что рассматриваемый текст оставался вне сферы интересов исследователей. Копирование довольно долго предполагало абсолютно точную передачу оригинала. Е. А. Кузьминова считает это основной причиной малого внимания медиевистов к Библии 1663 г. Сформированное представление о тождестве ее с Острожской Библией привело к фактическому пренебрежению первой печатной Библией в Московской Руси, однако сегодня становится ясно, как много существенных, грамматически и орфографически обусловленных изменений было внесено издателями [Кузьминова 2017: 20–21].

Сопоставление рукописной копии «Поучения» Агапита с оригинальным киевским изданием и далее с печатным московским показывает, что направление правки у обоих московских вариантов совпадает. И писец, и справщики Печатного двора воспринимают как ошибочные многие киевские написания, изменяя их в соответствии со сложившимися в московской практике, а частично уже зафиксированными в ГМ нормами. Различие связано с тем, что автор рукописного варианта несколько меньше ориентируется на каноны ГМ; его орфографическая выучка, как будет показано, несколько отстает от отраженной в печатных изданиях 1650–1660-х гг., но имеет сходство с предшествующим периодом 1640-х гг.

Рукописный текст из Син. 353 отличается от киевского издания уже на уровне оформления⁵. На л. 207 об. отдельно переписан титульный лист: Любомѣйшагѡ кѣръ - / Агапита діакѡна, / блжѣннѣйшемѸ / неслѣтѣйшемѸ / царю іоустиніанѸ: / Пачеже всѣмъ Праведнохотѣщи / надъ страстѣми царствовать. / Главѣзны поучѣтельны, покрае/неію (так!) еллински изложены. / Славѣнски прѣвѣ Напечатаны, / Встѡй великой чюдотворной / лаврѣ Печѣрской кѣвской, / СтавропігійнѸ стѣша патріархи вселѣ: / архіеп: кѡнстѣнтинопѡлского Ново^а рим: / Лѣта Гдѣ^а 4хки^б. При копировании московский писец в большей степени, чем киевский из-

⁴ «Анфологион: сие есть цветословіе: страдальчества и мучения св. великомученицы Екатерины, Феодора Стратилата и Житие Алексея человека божия», сборник переводов Арсения Грека; между этими переводами и помещен текст «Поучения» [Москва 1660: 82–114].

⁵ Б. А. Успенский пишет, что с 1640-х гг. «югозападнорусское влияние сказывается (...) и на оформлении книги» [Успенский 2002: 420]. Появляется титульный лист, хотя широкое его применение начинается лишь с 1660 г.

⁶ Передача рукописного текста дается буква в букву, однако по техническим причинам мы отказались от передачи всех диакритических знаков, кроме оксии, вари и титла. Прописные буквы передаются в соответствии с рукописью (то же при передаче изданий), кроме написанного прописными слова целиком. Слитные и отдельные написания даются в соответствии с оригиналом.

датель, использовал двуцветное оформление. Повторяется и словоделение, за исключением **нѣлѣтѣвѣишемѣ** (в [Киев 1628] союз напечатан отдельно, прилагательное с прописной буквы); **Паче же** (в издании отдельно: **Паче же**); в [Там же] отдельно напечатано **по Краегранѣсїю**⁷, **Правѣн хотѣщим**. В издании более последовательно употребляются прописные буквы: **Въ Сѣой Великѣ Чюдотворной Лаврѣ**⁸. На л. 210 также с минимальными изменениями скопировано начало «Поучения»: **Изложѣніе главѣнъ поучительныхъ, написанное ѿ агѣпита діакѣна**, между ними в рукописи переписано «Предисловие к читателю» [Там же: 2–3 об.]; в печатном московском издании [Москва 1660] предисловие опущено.

Характер изменений, которые вносит писец уже при работе с титулом / при копировании титульного листа, определяют всю его дальнейшую правку. К примеру, переписывая процитированную выше приписку о времени создания редакции перевода, писец Син. 353 копирует ее точно, однако допускает слитное, а не отдельное написание знаменательного слова с частицей: **тѣкѣцѣже** (209 об.).

Сопоставляя оригинал и рукописную копию фрагмента **Предѣслобіє къ блѣгочестївомѣ читателю**, мы отмечаем единственную лексическую корректуру: в колонтитуле издания читаем «**до Читѣлника**» (3), исправленное на л. 209 на нейтральное «**до читатѣла**»⁹. Еще одна правка, типичная в том случае, когда необходимо снять фонетический украинизм, встречается на л. 208 об.: **по свѣдѣтельствѣ** (2 об.) → **по свидѣтельствѣ**. Правка этого типа (замена **и** на **ѣ** и наоборот) в тот же период времени регулярно встречается в словах общепотребительных при копировании московскими писцами черновиков Атласа Блау, сделанных Епифанием Славинецким и его товарищами; самым частотным примером будет как раз правка **свѣдѣтель** → **свидѣтель** [Николенкова 2018а]. В тексте «Поучения» есть и

⁷ В данном значении «начало стихов» встречается в Алфавитах XVII в. [СлРЯ XI–XVII 8: 6]. В рукописи Син. 353 в составе Алфавита также есть: **сицѣвоже замышлѣніє грѣчески наричѣтсѣ акростихѣсѣ. Апорѣски, краєстрѣчіє, или краєгранѣсїє** (со ссылкой на Максима Грека, л. 77–77 об.).

⁸ Прописные буквы в рукописных московских текстах в середине XVII в. пока редкость [Николенкова 2018б].

⁹ Никакой иной лексической правки ни писец рукописи, ни наборщик издания не совершают, хотя встречаются с мало употребительной в Московской Руси лексикой. К примеру: **со всѣкимъ опѣствомъ цѣтовати поучѣетъ** [Киев 1628: 2; Син. 353: л. 208], **исправнѣсѣ ѿ еллинскаго нѣдѣматѣ** (лексема отсутствует в [СлРЯ XI–XVII 6: 85]) **сѣ многѣмъ опѣствомъ** (л. 209 об.), **ацѣ чтѣ прѣзрѣ ѿподѣбѣющѣмъ, сомногѣмъ опѣсствомъ, и да глѣтѣ всѣмъ нѣдѣмъ творѣтѣ** (л. 211), где отмечена лексема «опас(с)тво» в значениях «тщательность, старательность; осторожность», до XVII в. в московской письменности практически не употреблявшаяся и получившая распространение во второй половине века, в том числе в Делах патриарха Никона [Там же, 13: 9–10].

неисправленные южнорусизмы (**Одѣжда неветѣшаемаа есть бл҃готоренїа рыза**, 216 об.; то же осталось в [Москва 1660: 17]).

Рассмотрим регулярные орфографические изменения, внесенные писцом Син. 353 и далее наборщиком московского издания и отражающие их представления о московской орфографии.

1. Слитные /раздельные написания (энклитики и служебные слова). В московских печатных изданиях с 1620-х по 1640-е гг. наблюдается постепенная эволюция слитного/раздельного написания знаменательных и служебных слов. Уже в 20-х гг. XVII в. происходит отделение энклитических форм местоимений от предшествующей словоформы [Кусмауль 2018: 96]; в 1640-х гг., не без влияния печатных киевских книг, московские издатели также начинают делать пробел между служебным и знаменательным словами [Там же: 121]. В исследовании С. М. Кусмауль показано, что этот процесс идет постепенно. Так, колеблется написание предлогов (они чаще еще печатаются слитно), частица **да** почти всегда отделяется от знаменательного слова, частотнее становится раздельное написание **не** с глаголом, слитное/раздельное написание **же**, **во**, **ли** колеблется по разным изданиям [Там же: 122–126].

Московское печатное издание и писец Син. 353 устойчиво отделяют энклитику от предшествующей словоформы. Для московского писца это позиция, где он строго соблюдает уже установившуюся норму (причем употребляет не камору, как в печатных изданиях 1620-х гг., а варию, что характерно для 1630-х гг. [Там же: 96–97]), то есть местоимения **ми**, **ти**, **ма** воспринимаются им как самостоятельные в тексте: **по подбѣю нѣнаго Црѣвїа даде тѣ скипетръ земнаго начальства** (210); **бл҃гое ти хотѣнїе** (210 об.); **Царѣ тѣ понстїннѣ оуставляю** (212), **Данепремѣнѣтъ тѣ ниже вѣтѣгахъ** (213 об.) и т. д.¹⁰

При написании служебных слов киевский оригинал и его московские версии отражают разные нормы. Для [Киев 1628] мы предполагаем ориентацию на рекомендацию грамматики Зизания (далее — ГЗ): **вѣдати же подовѣтъ ꙗко всѣко речѣне єдинослѣжно кракими же пїменї състалеѣно сѣще, егѡже ничтѣ ѿ сѣгланы писменѣ преварѣ ѿтѣчаеѣ. ꙗко, нѡ же во по** [Кузьминова 2000: 39]. В соответствии с этим правилом в киевском издании «Поучения» служебные слова регулярно написаны раздельно, над ними ставится вариа: **нѡ бл҃гоприличнѣ, овѣ во кѣкв страсти повѣдїти, сѣй же Црѣвїа, неслышѣтелїе во закона, доброхѡтна во** и т. д. [Киев 1628].

По канонам ГМ служебное (односложное) слово в постпозиции не требует постановки акцентного знака: **да оувѣстьсѣ речѣнїа єдинослѣжна**

¹⁰ Хочется поблагодарить рецензента данной работы за идею проверить орфографические установки писца Син. 353 в остальных частях текста. Как мы и ожидали, орфографические установки писца стабильны: энклитики пишутся раздельно (**да воудѣтъ ми разѣмнѣ**, л. 76 об.; **ѣзыкѣ сѣтъ сотворїлѣ тѣ бѣтъ**, л. 148), однако сплошное исследование рукописи в нашу задачу не входило.

единосложнымъ изостра́емымъ, или́ штажа́емымъ либо влача́емымъ едина́ единымъ послѣдѹющаа безъ просѣ́дїнна полага́ема быва́ти; такъ, что́ се, что́ есть, мы бо [Кузьмина 2007: 70]. Наборщик печатного московского издания довольно последовательно выполняет эту грамматическую рекомендацию, в [Москва 1660] энклитики обычно не отмечены диакритикой: овѣи бо тѣлесѣ^М ископоваю^Т очеса; еже бо слагатиса вещь преложѣнїа^М; овѣи бо ѿ сытости разсѣдають са, тѣи же, ѿ глада растлѣвають и т. д. Односложные частицы в препозиции оформляются по-разному: и сѣмъ не равенство есть; Царствѹюще не ѿстѹписте фїлосѳїи; аки не имѣай на зѣлїи могѹща; тѣмже да не впѣрстнѣмъ хвалїмса рѣдѣ; специального правила в ГМ нет, но в разделе «ѿ просѣ́дїи» частица не напечатана без диакритических знаков (то же относится к предлогам ко, во, на, по [ГМ 1648: 67–69]).

В рукописи Син. 353 нет однообразия в написании служебных слов в пре- и постпозиции. Тенденция к отделению служебных слов от знаменательных, которая в 1640-е гг. уже становится маркером орфографического узуса для печатных изданий [Кусмауль 2018: 313], в рукописную традицию еще не перешла. Копируя киевский печатный оригинал, писец может повторить его, но чаще собственная выучка преобладает над новыми тенденциями и он склоняется к слитному написанию: по́ иже ѿ Дара вѣїа (1 об.) → поіаже ѿдара вѣїа (208); сѣ вса́кимъ о́паствомъ (1 об.) → совса́кимъ впаствомъ (208); прѣѿ же члѣколю́бнаа и хотѣти и творїти (3) → прѣоже члѣколю́бнаа нхотѣти итворїти (210 об.); Такоже и въ Градѣ^х аще оубо нѣкто ѿ иже по́ властію сѣгрѣшитъ, не то́лько о́бщее елі́кѿ себѣ вбїди [на полях — бесправдѣ] тъ (4) → Такоже и въ градѣ^х аще оубо нѣкто ѿиже по́ властію согрѣшитъ, не то́лько о́бщее елі́кѿ себѣ вбїдитъ (211). Издание 1660 г. характеризуется большей последовательностью и в соответствии с продолжающейся в печатных книгах традицией дает предлоги и союзы раздельно: Такоже и во градѣхъ, аще оубо нѣкто ѿ иже по́ властію согрѣшитъ, не то́лько о́бщее елі́кѿ себѣ вбїдитъ [Москва 1660: 86–87], однако и в нем можно найти отдельные случаи нераздельного употребления предлога (пример есть выше — впѣрстнѣмъ).

Частицы в препозиции в печатных текстах 1640-х гг. также чаще употреблены раздельно, хотя определенный процент слитного написания присутствует [Кусмауль 2018: 123–124]. Печатное издание 1628 г. представляет киевскую традицию раздельного употребления, однако московский писец чаще правит на привычное слитное: иже не сѣтѣ (2) → иже несоутѣ (208 об.); не изъверѣтай же (2) → Неизверѣтайже (208 об.); Не пристѹпенъ оубо еси члѣмъ высоты ра́ди нїжнаго Царства (3) → Непристѹпенъ оубо еси члѣмъ высоты ра́ди нїжнаго Царства (211); Подобаѣтъ оубо томѹ и аки бѣ не гнѣватиса, и аки смрѣтнѣ не возно́ситиса (7) → Подобаѣтъ оубо томѹ наки бѣ негнѣватиса, и аки смѣртнѣ нево́зносїтиса (212 об.), реже копируется киевское написание: Прїѣмїи иже вл҃гала совѣтовати хотѣщихъ, но не ласкати всегда тѣащихъса (212 об.); Самомѹ

себѣ еже храни́ти за́коны наложи́ нѣждѣ, акѣ нѣ имѣай на землѣи могѣ
цагѣ понѣждати (9) → Самомѣ себѣ еже храни́ти за́коны наложи́ нѣждѣ,
акѣимѣай на землѣи могѣцагѣ понѣждати (213). Для частицы да про-
цент раздельного написания намного выше, однако, в отличие от киевского,
московский писец может не акцентировать ее: никтѣже да велича́ется (2 об.)
→ никтѣже да велича́ется (210 об.), и Ѡвръзѣши оушесѣ иже ницѣтою
ѡвдрѣжимѣ да ѡвращѣши Бжѣй слѣхѣ Ѡвръстѣ (3) → и Ѡвѣрзѣши
оушесѣ иже ницѣтою ѡвдрѣжимѣ да ѡвращѣши Бжѣй слоуѣхѣ Ѡвѣрстѣ
(211); и да іарѣтѣсѣ въ мѣрѣ, и да нѣ іарѣтѣсѣ (16) → и да іарѣтѣсѣ
въ мѣрѣ, и да неіарѣтѣсѣ (216¹¹); и Ѡтебѣ ѡждиай, да прѣчее Ѡ бѣа про-
повѣданѣ боудѣши (216).

Постпозитивные частицы же и бо, печатающиеся в Киеве раздельно и с
диакритическим знаком (варией), московский писец пишет преимущественно
без знака ударения; достаточно часто он привычно исправляет киевского
автора и использует слитное написание: Иночѣствѣюциѣ тѣомѣ, овалѣ
же Царѣствѣюциѣмѣ (2) → иночѣствѣюциѣмѣ тѣомѣ, овалѣже цѣрѣствѣюциѣмѣ
(208); сѣа вѣдѣ естѣ гѣвѣитѣлница всѣхѣ добродѣтелѣй (2) → сѣавѣо естѣ
гѣвѣитѣлница всѣхѣ добродѣтелѣй (208 об.); тѣй вѣдѣ прѣнѣ и блѣгѣемѣ
ѡвладѣетѣ (2) → тѣйвѣо прѣнѣ и блѣгодатѣ ѡвладѣетѣ (210 об.); вѣдѣи
всѣмѣ блѣтѣлѣ ѡвѣщѣй. ницѣтѣже вѣдѣ тѣако (7) → вѣдѣи всѣмѣ блѣтѣлѣ ѡвѣщѣй.
ницѣтѣже вѣдѣ тѣако (212). Встречаем в рукописи и раздельные написания,
однако акцентный знак чаще не копируется: іаковѣи вѣдѣ аще вѣдемѣ
нашимѣ клеверѣтѣмѣ (3) → іаковѣи вѣдѣ аще боудѣмѣ нашимѣ клеверѣ-
тѣмѣ (211), тѣако вѣдѣ и за́кономѣ покажѣши по́честѣ (9) → тѣако вѣдѣ и
за́кономѣ покажѣши по́честѣ (213) и т. д. В московском издании же и бо
печатаются раздельно¹² (С. М. Кусмауль пишет о том, что разрыв в этом
случае может быть меньше, чем между знаменательными словами [Кусмауль
2018: 121]).

На основе наших наблюдений можно сделать предварительный вывод:
создатели рукописных текстов несколько отстают от готовящих печатные
издания сотрудников московского Печатного двора. Грамматические уста-
новки им, по всей видимости, стали известны позднее, чем сформирова-
лись их правописные навыки, поэтому правила, сформулированные изда-
телями ГМ, еще не вошли в практику писцов.

2. Употребление графемы Ъ. После второго южнославянского
влияния изменилось употребление графемы Ъ за счет возвращения напи-
саний южнославянского типа с буквами Ъ и Ь после плавных в словах с
корневыми сочетаниями редуцированных с плавными. Однако даже в ве-

¹¹ В этом примере особенно заметно совмещение в представлении писца старых
умений и новых тенденций.

¹² Последний пример в [Москва 1660: 86]: іаковѣи вѣдѣ аще вѣдемѣ нашимѣ
клеверѣтѣмѣ, где «ы» после шипящего в строгом соответствии с правилом ГМ
[Кузьмина 2007: 64], о котором речь пойдет ниже.

ликорусских памятниках XV в. они встречаются в меньшем количестве, чем другие орфографические признаки. При этом несоответствие таких написаний живому произношению в восточнославянских говорах довольно скоро привело к почти полному их исчезновению [Гальченко 2001: 364–366]. В московских печатных изданиях 40-х гг. XVII в. встречаются только написания, соответствующие произношению, например: *пёрвын, чёрна лицёмъ, ѿ пёрвыхъ, мёртва* [Пролог 1643].

Однако в киевском издании «Поучения» отмечено значительное число по типу южнославянских написаний: *прѣвѣ, Самодрѣжцѣ, съдрѣжацихъ, къ исплѣнѣнїю, съврѣшенїа, зрѣцалѣ* и т. д. [Киев 1628: 2–4]¹³. Переписчик иногда копирует эти написания, но в подавляющем большинстве случаев вносит правку: *самодержцѣ, содержащихъ, къ исполненїю, съвершенїа, зрѣцалѣ* (208–209, предисловие), восстанавливая привычную московскую норму. Та же правка с незначительным сохранением киевских форм отмечается в основном тексте «Поучения»: *даже корабѣцъ* [на полях — *ладѣа, чолнѣ*] *всемїрнагѣ жителѣ* [на полях — *гражданѣ*] *ства не ѿпроверѣжетсѣ влѣнѣми неправды* (2) → *даже корабѣцъ* [на полях — *ладѣа, чолнѣ*] *всемїрнагѣ жителѣ* [на полях — *гражданѣ*] *ства не ѿпроверѣжетсѣ влѣнѣми неправды* (210)¹⁴; *Многѣ печалѣной Царѣвой дѣшї, акї зрѣцалѣ ѿверѣстїсѣ достѣнтѣ* (4) → *Многѣ печалѣной Царѣвой дѣшї, акї зрѣцалѣ ѿверѣстїсѣ достѣнтѣ* (211); и *ѿвїи ѿѣво содрѣжатѣ мїрѣ концї: тїи же не имѣтѣ гдѣ поставити стопы* (4) → *ѿвїи ѿѣво содрѣжатѣ мїрѣ концї: тїи же не имѣтѣ гдѣ поставити стопы* (211) и т. д.

Еще чаще в киевских изданиях (в том числе в «Поучении» Агапита) графема Ъ употребляется в приставках *съ-, въз-* и подобных, что характерно для многих югозападнорусских памятников. Широко отмечены они и в ГЗ (*възбранѣтѣ, съставленѣно, съшивѣти* и т. д.) [Кузьминова 2000: 40–41]. В нашей паре издание/рукопись происходит правка в соответствии с нормами московского варианта церковнославянского языка: *съкровицѣ* →

¹³ Подобные написания типичны для киевских изданий 20-х гг. XVII в. К примеру, они отмечены в «Слове на латинѣ преподобного Максима Грека», изданном в Киеве около 1620 г.: *прѣвое, млѣчанїе, съдрѣжимѣ, съврѣшити, дрѣзостнѣ* [Слово 1620: 3–6].

¹⁴ Интересен этот фрагмент перевода и лексически: нельзя не обратить внимания на использование вместо лексемы «жительство» глоссы «гражданство». [СлРЯ XI–XVII 4: 118] фиксирует употребление последней лексемы (в значении «гражданское устройство») только в переводе Епифания Славинецкого «Гражданство обычаев детских», выполненном не ранее 1663 г., далее — в «Арифметике» Магницкого. В Лексиконе Берынды отмечается синонимия лексем «жительство» и «гражданство» [Німчук 1961: 37–38]. Любопытно, что то же чтение фиксирует [Вальденберг 1926: 29] в более раннем переводе «Поучения» Агапита: «корабль всемирнаго гражданства». В «Поучении» лексема «гражданство» в значении «совокупность жителей» отмечена еще несколько раз: *всемѣ гражданствѣ содѣловаетѣ пагѣбѣ* (211); *Глава же бжтвѣнаго жителѣ{гражданѣ}ства* (211 об).

сокровицѣ, възлюбленнаго → возлюбленнаго, изъображеннаа → изъображеннаа, съжзѣ¹⁵ → соѣзѣ, събраніе → собраніе и т. д.

В московском печатном издании устраняются и те единичные написания с ѣ, которые скопировал писец Син. 353: нѣ впровержетсѣ волнѣми неправды [Москва 1660: 83], остаются только варианты держава, гордыни, безсмертными, перстномѣ и под. Отметим, что эта правка будет проводиться при издании Московской Библии: срѣдецѣ ихѣ → сердецѣ [Кузьмина 2017: 27].

3. Отражение грамматических рекомендаций в употреблении ряда букв. В 1640-е гг. в деятельности Печатного двора продолжаются изменения: упорядочивается употребление букв ѣ/е, о/ѡ в разных позициях слова, буквы ѡ и ѡ позиционно распределяются в соответствии с принципом антистиха и т. д. [Кусмауль 2018: 127–139]. Синхронизируются рекомендации ГМ и отражение их в изданиях Московского Печатного двора, что будет характеризовать и период 60-х гг. XVII в. [Кузьмина 2017].

Мы рассмотрим лишь некоторые случаи. К примеру, в соответствии с рекомендациями ГМ ѡ пишется в середине и на конце слов [ГМ 1648: 63]. Киевские книжники не строго придерживались этих рекомендаций: так, в черновых текстах перевода Атласа Блау Епифаний Славинецкий и его товарищи могут чаще употреблять ѡа, исправляемое московским писцом на ѡ [Николенкова 2016: 11–12].

В киевском издании «Поучения» в конце слов после гласных часто оказывается и графема ѡ, что также восходит к орфографии периода второго южнославянского влияния. Писец рукописи Син. 353 в большинстве случаев правит ненормативные для него употребления: вѣѡа, полѣзнаа, исполненѡа, сѡа (2) → вѣѡа, полѣзнаа, исполненѡа, сѡа (208); непостоѡанное (3) → непостоѡанное (210 об.); цѣломирѡа (6) → цѣломирѡа (212); ороѣѡа (7) → ороѣѡа (212 об.); полѣзнаа (8) → полѣзнаа (213) и т. д.; но есть и случаи копирования писцом киевского варианта: сѡа (2, 208); прѣвоѡбразнаа (8) → первоѡбразнаа (212 об.)¹⁶; безчеловѣѡа (12) → безчеловѣѡажѣ (214 об.). В московском переиздании «Поучения» остаются только нормативные написания с ѡ после гласных на конце: первоѡбразнаа (93), злаа (55), безчеловѣѡажѣ (100) и т. д. [Москва 1660].

По сравнению с киевским изданием мы отмечаем большую частотность употребления ѡа; в печатной продукции 1640-х гг. она встречается sporadически, чаще всего «в префиксальных производных с ѡа в начале корня и в словоформе ѡажѣ» [Кусмауль 2018: 137]. Замены в Син. 353: всѡа бѡ

¹⁵ В грамматике Зизания зафиксирован съюзѣ.

¹⁶ Надо отметить, что в этом случае изменение югозападнорусской нормы на московскую подчеркивается акцентным оформлением, в грамматике Смотрицкого отмечается написание первоѡбразный [Кузьмина 2000: 167], которое в ГМ правится на первоѡбразный [ГМ 1648: 86].

зѧповѣди х҃а сп҃са на́шего всѣмъ о́бще да́шасѧ кѣ еже творѣти ѿ (2 об.) → всѣмъ зѧповѣди х҃҃҃а сп҃са на́шегѡ всѣмъ о́бще да́шасѧ кѣ еже тво-
рѣти ѿ (208); е́мѧ оу́бо ѿ б҃га тебѣ́ даро́вана си́ла, е́ѧже тре́боваше
на́съ ра́ди бл҃го́е ти хотѣ́нїе (2) → е́мѧ оу́бо ѿ б҃га тебѣ́ даро́вана си́ла,
е́ѧже тре́боваше на́съ ра́ди бл҃го́е ти хотѣ́нїе (210 об.); Да оу́бо о́бон
здрáвїе поло́жатъ, ѿ́дѣемъ и прїа́дѣемъ, ты́хъ исцѣ́лїти, и кѣ
ра́венство прине́сти подо́баетъ (6) → Да оу́бо о́бон здрáвїе поло́жатъ,
ѿ́дѣемъ и прїа́дѣемъ, ты́хъ исцѣ́лїти, и кѣ ра́венство прине́сти подо-
ба́етъ (212)¹⁷ и т. д. Печатное издание не повторяет традиций предшест-
вующего периода: е́ѧже (85), ѿ́дѣе́мъ и прїа́дѣемъ (89–90) [Москва 1660].

Одним из показателей правки, осуществляемой по орфографическим канонам, является упорядочивание использования *о* и *ѡ* в определенных позициях. Сформулированное в ГМ правило [ГМ 1648: 61] постепенно начинает выполняться в печатной продукции 1640-х гг. [Кусмауль 2018: 151–164] и продолжается во время справы более позднего времени [Кузьминова 2017: 28–31]. Автор рукописной копии, на наш взгляд, не овладел указанным правилом в полной мере. Часто употребление им графемы *ѡ* нельзя объяснить вовсе, например, на л. 210 об. отмечаем *непостоѧнное во-
га́тствѡ*, также *кѣѡ живетъ* (213).

Иногда он правит то, что в соответствии с рекомендациями ГМ оказы-
вается напечатанным в оригинале верно. Более подробно рассмотрим это
на примере окончаний прилагательных. ГМ требует различать окончания
-аго/-агѡ в родительном и винительном падежах [ГМ 1648: 29], однако
даже верные с точки зрения такой рекомендации написания из [Киев 1628]
писец не сохраняет: *по подѡбїю не́нагѡ Цр҃твїа* (1) → *по подѡбїю не́наго
Цр҃твїа* (210); *корабѣць всемі́рнагѡ житѣлства* (2) → *корабѣць всемі́р-
наго житѣлства* (210); *бл҃гагѡ житїа лѣ́то* (6) → *бл҃гаго житїа лѣ́то* (212)
и т. д. В киевском издании правило Смотрицкого, которое требует разде-
ления родительного и винительного падежей [Кузьминова 2007: 527], не
выполняется; издатель, очевидно, ориентируется на ГЗ, где эта норма от-
сутствует. В [Киев 1628] можно встретить *множа́йшаго въздáнїа
длѣ́женъ еси́* (2), исправленное в Син. 353 на орфографически корректную
форму *мно́жайшагѡ* (210 об.), но такие примеры следует отнести скорее к
исключениям. В подавляющем большинстве случаев писец копирует изда-
ние, к примеру: *ѿ возлю́бленнаго сщ҃еннослѣ́житѣлѧ* (208), *ѿ возлю́блен-
наго оу́сѣрдно прї́ймї* (208 об.), *се́гдѣ бл҃гоу́бѣ́знаго слѣ́житѣлѧ*; *и́хр҃тїа́н-
скаго Прѣ́наго ца́рьствованїа истинный и свойственный ѡбразъ* (209) и
под.; реже *оу́мѧ неизвѣ́стнагѡ знáменїе бывáетъ* (211 об.), та же форма в
[Там же: 5]. Заметим, что печатная продукция с 1640-х гг. characterизо-
валась устойчивой тенденцией к противопоставлению форм род. и вин. па-

¹⁷ В этом случае обращает на себя внимание и обычная для московской нормы замена *и* в приставке перед гласной на *ї*, что является одним из наиболее регулярно соблюдаемых правил [ГМ 1648: 60; Николенкова 2017: 111].

дежей [Кусмауль 2018: 189–191], таким образом, автор рукописи отстаёт от тенденций наборщиков книг. То есть если позиционные правила употребления букв писец освоил, то грамматические параметры (определение падежей, к примеру) для него пока недоступны. Он предпочитает в большинстве случаев копировать ту форму, которая отмечена в печатном издании.

Автор печатного издания владеет грамматикой и, будучи способным различить формы род. и вин. падежей, использует разные окончания. В вин. п. ед. ч. стабильно -аго: *Црѧ тѧ по истинѣ оуставляю, пакѡ црѣтовати и владѣти надѣстрастѣи могощѣи, и вѣнцѣ Цѣломѣдрѣи вѣнчаннаго, и Порфирѡю правды одѣбаннаго* [Москва 1660: 90]; и на себѣ согрѣшившаго нещѣи (98). Род. пад. оформлен с помощью -агѡ: по добѣио неагѡ Црѣтѣи (82); кораблѣ всемирнагѡ жителства (83); и видѣи хѣд[на полях — мал]ость своегѡ естѣства, краткое же и скорое здѣшнагѡ живота (88); блѣагѡ житѣи лѣто (90); Дѧ не премѣняетъ ти великомѣрнагѡ разума, земнагѡ сегѡ могощѣиства величество (97); аще не рамышлѣнѣе само ѿсамагѡ согрѣшившагѡ подвигнетсѧ (98)¹⁸.

Противопоставление о и ѡ в соответствии с принципом антистиха предполагает отражение противопоставления форм ед. и мн. чисел. Формы окончаний сущ. с ѡ есть и в ГЗ, и в первом издании грамматики Смотрицкого (далее — ГС), и в ГМ (-ѡвѣ, -ѡмѣ), но ГЗ допускает выражение множественности в корне (ѡѡи), от чего московская орфография с 1640-х гг. начинает постепенно отказываться [Кусмауль 2018: 162–164]. Можно предположить, что писец рукописного варианта знает о принципе использования ѡ для выражения множественного числа в окончаниях существительных. Эти формы из киевского издания он копирует без исправлений; сохраняются *дарѡвѣ, члѣѡмѣ, клеверѣѡмѣ, вранѡвѣ, дрѣѡвѣ*, тогда как отмеченное *вѣ плѡвцѣхѣ* (4) исправляется на *вѣпловцѣхѣ* (211).

Грамматические знания книжника, готовившего издание 1660 г., позволяют ему последовательно выполнить ещё один грамматический канон, предлагаемый ГМ. Во множественном числе причастий мужского рода, в дательном падеже рекомендуется употребление **ы** после шипящих (*бѣишымѣ*) [ГМ 1648: 64], однако это правило стараниями издателей ГМ распространяется и на прилагательные и местоимения [Кусмауль 2018: 216–217]. С конца 1640-х до середины 1650-х гг. в московских изданиях происходит существенный рост употребления этого правила [Там же]. Киевское издание не использует **ы** даже в формах причастий: *давай всѣмѣ нещадно, просѣишѣи ѿ тебѣ* (13). Не знает правила и писец Син. 353 — он копирует киевские написания. Последовательная правка в этой позиции характеризует создателя московского издания: *вѣ малѣ оубѡ притичѧ имѣти мнѣшымѣ; сокровище постоѧнно есть стажаѡвымѣ е, ибо блѣихѣ дѣлѣ блѣѣ ко творѣшѣи ѡвраѣетсѧ* (85); *нашымѣ клеверѣѡмѣ* (86); *комнѣшымѣ (!) держѡвнымѣ вѣзираютъ* (92); *сѣе и прѣишѣи блѣи сѣдѣ*,

¹⁸ Оба примера с л. 98 [Москва 1660] в издании [Киев 1628] напечатаны с -аго.

на́шымъ дѣ́лѣмъ оуподо́блѣтсѧ (93); Ибо гото́вое имѣ́нїи изъо́блїе, нѣ возбра́нно е́сть къ ни́щымъ по́ бл҃готворѣ́нїю (102).

Итак, проведя сопоставление киевского оригинала с двумя его московскими переработками, сделанными приблизительно в одно время, мы можем предположить, что грамматическая выучка и соблюдение орфографических канонов требовались именно для книжников, участвующих в издательской деятельности. Создатели рукописных текстов, следуя утвердившимся в письменности принципам, несколько отстают от создателей печатных книг того же времени. Анализ употреблений **ѣ** в начале слов и в формах множественного числа, **ѡ** в формах наречий и некоторых других орфографических позиций подтверждает наши выводы.

4. Исправление акцентуации. Преобразование церковнославянского языка в середине XVII в. связывается с югозападнорусским влиянием. При этом в первую очередь такое влияние отмечается в области орфоэпии [Успенский 2002: 437–440], изменения связаны с заимствованными словами, собственными именами, отмечаются изменения в принципах постановки ударения во фразе. Однако, сопоставляя черновые автографы киевских книжников и беловые их копии, сделанные московскими писцами, мы уже отмечали неточность этого утверждения. Переписывая мало акцентуированную рукопись Епифания Славинецкого, московский копиист расставлял акценты, исключительно сообразуясь с принципами своей орфоэпической нормы, лишь в некоторых случаях следуя за киевскими авторитетами [Николенкова 2016: 17–18]. Сопоставляя киевский печатный оригинал, последовательно проставляющий диакритические знаки, и его две московские копии, мы приходим к тому же выводу. Московские книжники не копируют киевские нормы, а широко исправляют их, проставляя акценты в соответствии с московской нормой¹⁹. Важным нам кажется и то, что расходящиеся по ряду параметров рукописный и печатный тексты в данном случае демонстрируют единообразие. Рассмотрим лишь некоторые случаи.

Изменения в орфографии названия связаны со сменой акцентуации в имени: **Агапѣтъ** киевского издания меняется на **Агапѣтъ** рукописного варианта (и то же ударение в [Москва 1660: 82]). История трансформации ударения в именах собственных в церковнославянском языке середины XVII в. описана как одна из особенностей книжной sprawy, которая в значительной мере носит искусственный характер [Успенский 1969: 81]. В период никоновской sprawy исправления в формах имен собственных обусловлены стремлением приблизить церковнославянскую форму к иноязычному прототипу. Изменение происходит через традицию Юго-Запад-

¹⁹ Нами не ставится вопрос о соответствии этой нормы живому московскому произношению XVII в., его соответствии произношению предшествующего времени и т. д. В данной статье мы хотим лишь собрать примеры, где последовательное исправление места акцентного знака очевидно указывает не на стремление соответствовать киевским нормам, а на следование своим традициям.

ной Руси [Там же: 82]. Однако в нашем примере мены ударения не происходит, так акцентуируется форма и в более поздних московских изданиях ([Пролог 1661; 1675]). Может быть, ее отсутствие в XVII в. оказалось причиной того, что и в современных церковнославянских текстах ударение в форме **Агáпѣтъ** относится к вариативным, колебания продолжаются вплоть до современных изданий [Корнилаева 2018: 128–129].

Киевские формы превосходной степени **Блжѣннѣйшемъ** и **Блгчтивѣйшемъ** в заголовке «Поучения» в рукописи меняются на **блжѣннѣйшемъ** и **блгчтивѣйшемъ**. Такое смещение ударения мы наблюдаем при внесении изменений при редактуре ГС для издания ГМ. Так, в правиле третьем ГС приведены примеры **смирѣнѣйшій**, **окааннѣйшій** [Кузьмина 2000: 161], в ГМ формы меняются на **смирѣннѣйшій**, **окааннѣйшій** [Кузьмина 2007: 80]. В самом тексте мы также видим смену ударения в некоторых прилагательных в превосходной степени: **и совѣтомъ разѣмнѣишимъ** (8) → **исовѣтомъ разѣмнѣишимъ** (213); **Внимай дроугвѣ истиннѣишихъ** (10) → **Внимай дроугвѣ ѣстиннѣишихъ** (213 об.); **прѣпочтеннѣйшее** (10) → **прѣпочтѣннѣйшее** (214); **грѣнѣйшую честь** (11) → **горнѣйшую честь** (214) и т. д. В московском издании мы отмечаем те же варианты ударений, что и в рукописи. Для московских печатных памятников «обнаруживается постепенный переход от акцентных систем с заметным числом западных черт к более последовательной восточной системе» [Зализняк 2014: 58]. А. А. Зализняк отмечает это эволюционное изменение книжной нормы, которая постепенно «признавала допустимым для книжного произношения все большее число черт живой московской акцентуации» [Там же]. Судя по нашим наблюдениям, данное утверждение можно отнести и к рукописной книжной традиции середины века.

Исправление места постановки акцентного знака, совпадающее в обоих московских текстах — и рукописном, и печатном (в сравнении с киевским), можно обнаружить еще в целом ряде случаев. Последовательно исправляется место знака акцента в глаголах на **-овати** и в производных от них причастиях и существительных, к примеру: **надъ страстѣми царство-вати** (1) → **надъ страстѣми царствовати** (207 об.); **ниже глаголи ѡвѣиночествѣющѣи токо, оваа же црѣвѣющимъ** (1 об.) → **ниже глаголи ѡвѣиночествѣющѣи токо, оваа же црѣвѣющимъ** (208); и **хрѣтѣанскаго Прѣнаго царьствованѣа** (2 об.) → **хрѣтѣанскаго Прѣнаго царьствованѣа** (209) в предисловии; в тексте «Поучения»: **сѣшми ѡ негѣ царствѣемъ закѣны** (1) → **сѣшми ѡ негѣ царствѣемъ закѣны** (210, то же в [Москва 1660: 82²⁰]); **егдѣ или философи Царствовати вѣдѣтъ, или царѣе философствовати: нѣо философствѣюще, сподѣвистеса Царства, и царствѣюще нѣ ѡстѣпѣте философѣи** (1) → **егдѣ или философѣи Царствовати воудѣтъ, или царѣе философствовати: нѣо философствѣюще, сподѣвистеса Царства,**

²⁰ Имеется в виду тождество ударения рассматриваемых слов, написание других слов может отличаться в рукописи и московском печатном варианте.

и царствѹюще неѡстѹпнѣ философѣи (210, то же в [Там же: 90]); трѣпнѣтъ же живоѹщи беззаконнѣ, споспѣшникъ сѣгѣво бл҃гискѹствовати (9) → терпнѣтъ же живоѹщи беззаконнѣ, споспѣшникъ сѣгѣво бл҃гискѹствовати (213, то же в [Там же: 95]); нбо съжителѣствѹющемъ всегда съ слѣбыи человекѣи, нли пострадати, нли навѣкнѣти нѣжда нѣчто слѣ (9) → нбо съжителѣствѹющемъ всегда съ слѣбыи человекѣи, нли пострадати, нли навѣкнѣти нѣжда нѣчто слѣ (213, со жителѣствѹющемъ [Там же: 95]); иже ѡческѹ началѣствѹемъ показѹющѣи любѣвь, иначалѣствѹемъ ѡ нѣхъ противопрѣмлюще бѣзнь (17) → иже ѡческѹ началѣствѹемъ показѹющѣи любѣвь, иначалѣствѹемъ ѡ нѣхъ прѣмлюще бѣзнь (216 об., то же в [Там же: 108]). Необходимо отметить, что слова на -овати и их образования, без всякого сомнения, относятся к книжной лексике, широкого распространения в текстах они не имеют, поэтому проследить их употребление в иных текстах не всегда возможно (скажем, «царствовати» в [Зализняк 2014: 258] есть, а некоторые другие глаголы не представлены).

Регулярная перестановка ударения может быть связана с отдельными словами. Одной из лексем, где перенос ударения обязателен, является книжный союз **ниже**. В [СлРЯ XI—XVII 11: 366–367] **ниже**¹ определено как 1) частица отрицательная; выражает отрицание сказуемого ‘также... ни’; 2) союз, выражающий отрицание сказуемого ‘и не...ни’; 3) союз присоединительный и перечислительный ‘ни...ни’; **ниже**³ как сравнительный союз в значение ‘нежели’. В перечне союзов ГЗ этой лексемы нет [Кузьминова 2000: 104], хотя в тексте ГЗ она встречается (всегда с каморой): **тогда ниже ѡбостраѣса ниже ѡтѣчѣетъса** [Там же: 39]; **ниже такъ радѣлаѣ такъ запатѣю, нли сродѣю, ниже съвершаѣмъ нѣю понѣже въпрѣса ждѣтъ** [Там же: 42]. В перечне ГС этот союз дан в разделительных: **ниже**²¹. Именно такое написание мы отмечаем в [Киев 1628]. ГМ, сохранив список разделительных союзов, меняет оформление и дает вариант **ниже** [ГМ 1648: 315]. Именно этот вариант используют и писец Син. 353, и издатель [Москва 1660].

Правка по московскому варианту в рукописном варианте есть уже в тексте предисловия: **ниже глаголи** (1 об.) → **ниже глаголи** (208); далее в «Поучении»: **и ниже къ грѣдыни превѣзносѣтиса, ниже къ печѣли низносѣтиса** (5) → **иниже къ гордыни превозносѣтиса, ниже къ печѣли низносѣтиса** (211 об., то же в [Москва 1660: 88]); **ниже въ бл҃годѣшествахъ възвышаѣса, ниже въ тѣгѣхъ смѣраѣса** (10) → **ниже въ бл҃годѣшествахъ възвышаѣса, ниже въ тѣгѣхъ смѣраѣса** (213 об., то же в [Там же: 97]) и т. д.

Безусловно, часть акцентных изменений, проведенных московскими писцами, нуждается в дополнительном изучении и привлечении большего числа акцентуированных церковнославянских рукописей и печатных изданий.

²¹ В издании [Кузьминова 2000: 387] при сохранении акцентного знака слово набрано раздельно, что нелогично с точки зрения использования знаков оксии и вариации в самом правиле. В оригинальном тексте ГС на л. 193 мы ожидаемо находим слитное написание.

Таким образом, копирование киевских книг в Московской Руси середины XVII в. показывает, что орфографическая и орфоэпическая адаптация иной системы проходила иначе, чем лексическая. Принимая новую лексику, московские книжники стремились, во-первых, сохранить графико-орфографическое своеобразие московского варианта церковнославянского языка и, во-вторых, последовательно выстраивали принципы этого противопоставления с югозападнорусской в отношении орфоэпии. Последовательность характеризовала и работников Печатного двора, и писцов рукописей, хотя последние в целом ряде случаев отставали, хуже знали и орфографические каноны, и грамматику вообще. Эта работа московских справщиков в середине XVII в., по всей видимости, уже к 1680-м гг. приводит к жалобам украинского духовенства на уничтожение книг киевских и замену их московскими [Успенский 2002: 426–427].

Источники

ГИМ Син. 353 — «Любоѣишагѡ кѹръ — Агапита діакона, вѣжѣннѣишемѹ и вѣгтѣишемѹ царю юустініанѹ: Пачеже всѣмъ Праведнохотѣицѹ надъ страстїми царствовать. Главїзны поучїтельны, по краенейю еллински изложены». Лл. 207 об. — 218.

Киев 1628 — *Агапит* (диакон; VI в.). Царю Юстиниану... главизны поучительны по краегранесию еллински изложены, славенски же первее напечатаны. Киев: Типография Лавры. 1628 [7136]. 1 титульный лист, [2], 1–22.

Москва 1660 — *Изложєніє главїзнъ поучїтельныхъ, напісанное Ѡагапита діакона // Арсенїй Грек* (иеромонах). Сборник переводов Арсения Грека «Анфологион». М.: Печатный двор, 1 октября 1660 г. [7169]. С. 82–114.

Пролог 1643 — Пролог. Первая половина (март — август). М.: Печатный двор, 6 декабря 1643 г. [15.12.7151 — 06.12.7152].

Пролог 1661 — Пролог. Первая половина (сентябрь — февраль). М.: Печатный двор, 17 августа 1661 г. [18.01. — 17.08.7169].

Пролог 1675 — Пролог. Первая половина (сентябрь — февраль). М.: Печатный двор, март 1665 г.

Слово 1620 — *Прѣвнаго Мѣзїма Грека, Инока Ѡ Сѣтъа Аѡѡскїа горы, Слѡво на латїншѡвъ*. Киев, ок. 1620 г.

Литература

Буланін 1989 — Д. М. Бу л а н и н. «Поучение» Агапита // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в). Ч. 2 (Л—Я). Л., 1989. С. 300–303.

Булычев 2004 — А. А. Бу л ы ч е в. История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004.

Буслаев 1861/2004 — Ф. И. Б у с л а е в. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков (репринт). М., 2004.

Вальденберг 1926 — В. Е. В а л ь д е н б е р г. Наставление писателя VI в. Агапита в русской письменности // Византийский временник. Л., 1926. Т. 24 (1923–1926). С. 27–34.

Гальченко 2001 — М. Г. Г а л ь ч е н к о. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности // Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. М., 2001. С. 325–382.

ГМ 1648 — Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подгот. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007.

Живов 2017 — В. М. Ж и в о в. История языка русской письменности. Т. II. М., 2017.

Зализняк 2014 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М., 2014.

Запольская 2010 — Н. Н. З а п о л ь с к а я. Неизвестная грамматика церковнославянского языка XVII в. // *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij*. Napoli, 2010. С. 267–282.

Карташев 1991 — А. В. К а р т а ш е в. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., 1991. [Париж, 1959].

Корнилаева 2018 — И. А. К о р н и л а е в а. Об акцентных вариантах в источниках «Большого словаря церковнославянского языка Нового времени» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 16. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2016–2017. М., 2018. С. 119–136.

Кузьминова 2000 — Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подгот. текста, науч. коммент. и указатели Е. А. Кузьминовой. М., 2000. С. 29–527.

Кузьминова 2007 — Е. А. К у з ь м и н о в а. Научный комментарий // Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подгот. текста и сост. указателей Е. А. Кузьминовой. М., 2007. С. 493–612.

Кузьминова 2012 — Е. А. К у з ь м и н о в а. Развитие грамматической мысли России XVI—XVIII вв. М., 2012.

Кузьминова 2017 — Е. А. К у з ь м и н о в а. Грамматика 1648 г. как регулятор библейской книжной справки второй половины XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 5. С. 21–46.

Кусмауль 2018 — С. М. К у с м а у л ь. Становление орфографических норм церковнославянского языка во второй половине XVI — первой половине XVII в. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018.

Николенкова 2016 — Н. В. Николенкова. Орфографические особенности двух рукописей XVII в.: об авторстве черновика и беловика // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 1. С. 8–19.

Николенкова 2017 — Н. В. Николенкова. Московская орфография в рукописных и печатных текстах 1650–1660 гг. К вопросу о югозападнорусском влиянии // *Die Welt der Slaven. Beiträge zum 20. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav)*. Т. 62. Wiesbaden, 2017. С. 109–114.

Николенкова 2018а — Н. В. Николенкова. Переводческая деятельность в московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинецкого // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 6. С. 88–98.

Николенкова 2018б — Н. В. Николенкова. Употребление прописной буквы в практике письма на фоне формирования орфографической нормы в XVII веке // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 6. С. 3–10.

Німчук 1961 — [В. В. Німчук]. Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, 1961.

Протасьева 1970 — Т. Н. Протасьева. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М., 1900; Вып. 6. М., 1900; Вып. 8. М., 1900; Вып. 11. М., 1900, Вып. 13. М., 1900.

Спафарий 1978 — Николай Спафарий: Эстетические трактаты / Подгот. текстов и вступит. ст. О. А. Белобровой. Л., 1978.

Успенский 1969 — Б. А. Успенский. Никоновская справа и русский литературный язык (Из истории ударения русских собственных имен) // Вопросы языкознания. 1969. № 5. С. 80–103.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.

Статья получена 17.02.2019

Natalia V. Nikolenkova

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russia)

natanik2004@mail.ru

KIEV EDITIONS IN MOSCOW IN THE MID-17TH CENTURY AND THE DEVELOPMENT OF MOSCOW ORTHOGRAPHIC NORM

The paper deals with an episode from the orthographic norm formation history in the late 1650s, when systematization of the spelling in accordance with the prescriptions of the 1648 Moscow Grammar was in full progress, while scribes not involved in the activities of the Printing Court were not completely able to apply the new principles. The focus is on a 1628 Kiev edition, which was rewritten and then reissued in print two years later in Moscow. The comparison demonstrates both the differences in the spelling rules of Moscow and Kiev scribes, and certain differences in the accuracy of compliance with the recommendations of the Moscow Grammar. We consider four positions in which these differences were most clearly manifested in the two copies of the Kiev edition.

Keywords: Church Slavonic language of the 17th century, spelling norms, Moscow grammar.

References

Belobrova, O. A. (Ed.). (1978). *Nikolay Spafariy: Esteticheskie traktaty*. Leningrad: Nauka.

Bulanin, D. M. (1989). «Pouchenie» Agapita. In *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 2 (vtoraya polovina XIV—XVI v.)* (Vol. 2, pp. 300–303). Leningrad: Nauka.

Bulychev, A. A. (2004). *Istoriya odnoy politicheskoy kampanii XVII veka: Zakonodatel'nye akty vtoroy poloviny 1620-kh godov o zaprete svobodnogo rasprostraneniya «litovskikh» pechatnykh i rukopisnykh knig v Rossii*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.

Buslaev, F. I. (2004). *Istoricheskaya khrestomatiya tserkovnoslavyanskogo i drevnerusskogo yazykov*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.

- Galchenko, M. G. (2001). *Knizhnaya kul'tura. Knigopisanie. Nadpisi na ikonakh Drevney Rusi*. Moscow: Aleteia.
- Kartashev, A. V. (1991). *Ocherki po istorii russkoy tserkvi* (2nd ed., vol. 2). Moscow: Nauka.
- Kornilaeva, I. A. (2018). Ob aktsentnykh variantakh v istochnikakh «Bol'shogo slovarya tserkovnoslavyanskogo yazyka Novogo vremeni». In M. S. Mushinskaya (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* (Issue 16, pp. 119–136). Moscow.
- Kusmaul, S. M. (2018). *Stanovlenie orfograficheskikh norm tserkovnoslavyanskogo yazyka vo vtoroy polovine XVI — pervoy polovine XVII v.* (doctoral dissertation). Moscow.
- Kuzminova, E. A. (2012). *Razvitie grammaticheskoy mysli Rossii XVI—XVIII vv.* Moscow: MAKSS Press.
- Kuzminova, E. A. (2017). Grammatika 1648 g. kak regul'yator bibleyskoy knizhnoy spravy vtoroy poloviny XVII v. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 5, 21–46.
- Kuzminova, E. A. (Ed.). (2000). *Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotritskogo*. Moscow: MGU.
- Kuzminova, E. A. (Ed.). (2007). *Grammatika 1648 g.* Moscow: MGU.
- Nikolenkova, N. V. (2016). Orfograficheskie osobennosti dvukh rukopisey XVII v.: ob avtorstve chernovika i belovika. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*, 1, 8–19.
- Nikolenkova, N. V. (2017). Moskovskaya orfografiya v rukopisnykh i pechatnykh tekstakh 1650–1660 gg. K voprosu o yugozapadnorusskom vliyani. *Die Welt der Slaven. Beiträge zum 20. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav)*, 62, 109–114.
- Nikolenkova, N. V. (2018). Perevodcheskaya deyatel'nost' v moskovskom Chudovom monastyre: novye dannye o kruzhke Epifaniya Slavinetskogo. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 6, 88–98.
- Nikolenkova, N. V. (2018). Upotreblenie propisnoy bukvy v praktike pis'ma na fone formirovaniya orfograficheskoy normy v XVII veke. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*, 6, 3–10.
- Nimchuk V. V. (1961). *Leksikon slovenoros'kiy Pamvi Berindi*. Kiiv: Vidavn. Akad. nauk URSS.
- Protasyeva, T. N. (1970). *Opisaniye rukopisey Sinodal'nogo sobraniya (ne voshedshikh v opisaniye A. V. Gorskogo i K. I. Nevostrueva)*. Moscow.
- Uspenskiy, B. A. (1969). Nikonovskaya sprava i russkiy literaturnyy yazyk (Iz istorii udareniya russkikh sobstvennykh imen). *Voprosy jazykoznaniya*, 5, 80–103.
- Uspenskiy, B. A. (2002). *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI—XVII vv.)* (3rd ed.). Moscow: Aspekt Press.
- Valdenberg, V. E. (1926). Nastavlenie pisatelya VI v. Agapita v russkoy pis'mennosti. *Vizantiyskiy vremennik*, 24, 27–34.
- Zaliznyak, A. A. (2014). *Drevnerusskoe udarenie. Obshchie svedeniya i slovar'*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.
- Zapolskaya, N. N. (2010). Neizvestnaya grammatika tserkovnoslavyanskogo yazyka XVII v. In S. Bertolissi, & R. Salvatore (Eds.), *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij* (pp. 267–282). Napoli: M. D'Auria Editore.
- Zhivov, V. M. (2017). *Istoriya yazyka russkoy pis'mennosti*. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo.

Received on February 17, 2019